

Астрологические спекуляции насчет знаков зодиака всегда казались мне необидительными, но вот такие моменты годового цикла, как весеннее равноденствие и самый короткий и самый длинный дни представляются важными явлениями, бесспорно влияющими на нашу жизнь. Тем более на жизнь поэта. Интересно, а что об этом думает сам поэт? Поэт, рожденный в день весеннего равноденствия? Прошу любить и жаловать: поэт из Смоленска **Владимир Макаренко**. В этом году ему исполняется 60 вёсен.

Олег Ермаков. ...Кстати, Володя, вёсен или осеней? Как бы ты сам определил преобладающее настроение своих стихов – весеннее или осеннее?

Владимир Макаренко. Олег, впервые мне задают такой вопрос. Но ответ на него я знаю точный, поскольку с тех пор, как сам серьезно стал относиться к своему стихотворному творчеству, не раз им задавался. Толчком же к осознанию самого себя в мире, и мира отдельно от тебя, послужил отклик на первый мой сборник стихов «Беседка» смоленского поэта Юрия Пашкова. Как помнится, Юрий Васильевич написал в небольшой рецензии, опубликованной в областной газете, о гармонии в моих стихах всех красок бытия: от светлых до темных. Как в той песне, про жизнь вроде зебры: *черный цвет, а потом будет белый цвет.*

Но тогда это еще не стало жизненным убеждением. Осознание гармонии противоречий мира и самой природы пришло после того, как прочел о том, что любимый мной в юности поэт Николай Михайлович Рубцов воспринимал жизнь «полосатой»; то белая полоса, то черная. А уж после рецензии «Поэзия из гримасы быта» доктора филологии Вадима Соломоновича Баевского на книгу «Земли касается душа», я понял, что противоречия так гармонично уживаются во мне, что становятся в стихах поэзией. Но любые знания требуют проверки жизнью. И вскоре для меня наступили страшные годы духовного выживания, в течение которых я думал, что уже никогда не смогу написать что-либо толковое в стихах. Смерть младшего сына Саши сначала ошеломила, подавила, а потом перешла в затяжную изнурительную борьбу, прежде всего, с самим собой, на том рубеже, где человек остается в жизни один на один с Богом. Спасла все-таки поэзия. И Бог оказался милостив. К своим шестидесяти годам я пришел к убеждению, что божественная истина «Живи днем сегодняшним» наиболее верно и емко вбирает в себя понятие «полосатой жизни», соединяя светлые и черные полосы в единое гармонически целое – сегодняшний день. Так я и живу, так и пишу стихи, днем сегодняшним и во дне сегодняшнем, вмещающем в себя не только настоящее, но и прошлое, и кто знает, может быть, будущее. Потому, Олег, в стихах моих, как мне думается, равнозначно много и осеннего, и весеннего, как, впрочем, и зимнего, и летнего; разные настроения равнозначны.

Е. Живописать радость труднее, говорил Борхес, и тех, кому это удалось, можно по пальцам пересчитать, например, Уитмен. Эти наблюдения аргентинца всегда вспоминаются при чтении твоих *радостных* стихов. «Как мир глубок для радостей моих! / Нырять в синь – не дотянусь до солнца. / И каждый всплеск души – волшебный миг, / Подобен всплеску солнца из колодца». Хорошо, будто и впрямь зачерпнул воды чистой. А ты помнишь тот *волшебный миг*, когда родилось самое первое стихотворение?

М. Борхес? Согласен с ним в этом высказывании. И если уж ты вспомнил Борхеса, следует мне сказать, что без метафизики поэзии не существует, а вот по поводу фантазий в поэзии – еще вопрос. Хотя я твердо убежден в том, что нам ничего не известно о мироустройстве, кроме того, что мы смогли «пощупать своими руками», и я всегда думаю так: *если человеческий мозг способен вообразить себе фантастические картины и воплотить их в живые образы искусства, разве вселенная глупее нашего мозга?* В «Воротах во мгле» есть такие стихи:

И с каждым днем страшнее возражать
Опознанному Духу созиданья.
Всё, что способны мы воображать, –
Реальные явления мирозданья.

Но это так, попутно. Если же отвечать на вопрос о первом стихотворении, то да, помню, но скорее в мультипликационных образах, чем в явно предметных; не помню, как я был одет; детали обстановки родительской квартиры абстрагированы, могут менять форму и цвет, за исключением зеленых кресел; цветные обои на стенке с узорчатым рисунком... А вот сам факт рождения первого стихотворения явственен. Я написал его не на бумаге, а в голове, ночью, на матрасе, на полу. Из деревни в город приехал мой дед Иван, и родители уложили его спать на диване, на котором ночевал всегда я. Первое стихотворение было сюжетным и называлось «Мой добрый слон». В этом стихотворении я ехал по поляне причудливого леса, усыпанной высокой травой и разноцветными цветами, на слоне, одетом в цирковую попону. Лес кончался, и впереди виделась голубая африканская река. И вот на берегу из лесной чащи появилась огромная пятнистая рысь. Она смотрела на нас, оскалив острые белые клыки. Слон остановился. И было страшно представить себе, что станет с тобой, если ты приблизишься к берегу еще хоть на шаг. Но слон, почувствовав мой страх, топнул на рысь ногой, загнув вверх хобот, и она, поджав хвост, умчалась назад в лес. Вот таково содержание моего первого стихотворения. Я часто читал его брату, который младше меня на 10 лет, водя за ручку на уличных прогулках, а он в ответ смеялся. Прошла большая часть жизни. Брат мой умер в позапрошлом году, отказало сердце. Точные слова первого стихотворения стерлись из памяти, и восстанавливать их было бы не честно перед самим собой, все равно точно не вспомнишь. А вот образы яркие и живы в памяти. Отсюда и та установка на творчество, которой я стараюсь придерживаться всю жизнь. Основа поэзии для меня – художественный образ, а не языковой инструментарий. Хотя очень важно, как в строительстве, чтобы инструментарий этот был профессиональным и надежным.

Е. Как будто перевод живописи Анри Руссо на стихотворный язык, красочно и broadly. Вообще тебе, наверное, ближе все-таки музыка, чем живопись? Бунина, например, можно назвать именно стихотворным живописцем, а Велимира Хлебникова или Мандельштама и даже Маяковского – «музыкантами». Что ближе тебе? Что вдохновляет сильнее, музыка или живопись?

М. Олег, я поражаюсь, насколько точные ты даешь оценки, опираясь на искусство. Осмелюсь сказать, что Анри Руссо – ярчайший предшественник классической художественной мультипликации. Если говорить о видах искусства, то мне трудно отдавать тут предпочтение живописи или музыке. Мне в равной степени интересны в живописи и реалисты, и экспрессионисты, и примитивисты, и кубисты и прочие модернисты и аван-

гардисты, а в музыке – классика и народная песня, городской романс и эстрада, основная на настоящих лирических стихах, хороший джаз и даже рок-н-ролл. Но с одной лишь оговоркой: когда в центре художественных произведений стоит человек, природа или высшие силы. Сердцем я не принимаю «игры ума», и особенно то, когда из художественного инструментария стремятся сделать произведение искусства. Топор древнего человека хорош именно тем, что это орудие труда, а отнюдь не как произведение искусства. То же и в искусстве. А вообще, я один из тех, кто выступает за синтез искусства. В 2013 году мне удалось получить субсидию от администрации Смоленской области на издание книги живописи и поэзии «Перо Гамаюна», которую мы, ее авторы, поэты и художники, приурочили к 1150-летию Смоленска. Еще я должен сказать, что вот уже как 38 лет живу в музыкальной семье. Моя жена – профессиональный музыкант, пианистка и еще по второму образованию – преподаватель хорового народного пения. В юности она пела в известном смоленском фольклорном ансамбле «Феникс», который и сейчас продолжает успешно работать в составе Смоленской областной филармонии. Старший мой сын Евгений окончил музыкальную школу по классу флейты при смоленском музыкальном училище у известного в Смоленске духовика Павлова И.Т., причем выступлением на сцене смоленской филармонии. Но он стал в итоге врачом. А младший сын Александр – выпускник училища имени Гнесиных по классу альта. Сам же я, как меня окрестил смоленский музыкант и аранжировщик Александр Черненко, являюсь «народным композитором». Здесь следует улыбнуться. Слово «народным» означает то, что я иногда сочиняю мелодии к своим стихам, не умея их записывать нотами. Потому практикую это редко. Лишь в тех случаях, когда «душа просит». В семье моей никогда серьезно не относились к этому моему чудачеству, за исключением младшего сына. Он всегда говорил, мол, пап, а ведь хорошая песня у тебя получилась. И большей похвалы мне уже не нужно было ни от кого. Правда, в последнее время и супруга моя признала некоторые мои песни. И даже профессиональные исполнители взяли их в свой репертуар. На сегодняшний день самый удачный плод моего синтезированного искусства – песня «Большая Советская», написанная на одноименное стихотворение по картине народного художника России Владимира Ельчанинова, с которым мне в последние годы его жизни посчастливилось дружить, несмотря на разницу в возрастах в целое поколение. Эта картина выполнена художником в экспрессивной манере, в ярких красках, пронизана вышним светом и любовью к Смоленску. И вот картина эта вначале преобразовалась у меня в стихи, а потом и в песню. Потому, Олег, мне, несмотря на тяготение к слову, дорога и живопись и музыка. Недавно смотрел советский художественный фильм на основе оперы Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин» и вновь был поражен гениальностью гармонии музыки, стихов, образов и темы, певческого мастерства артистов. Пушкин и Чайковский – неповторимый гениальный синтез поэзии и музыки. Подобные произведения и вдохновляют на творчество.

Е. Но песни у тебя действительно замечательные: «Печаль всяя Руси», «Молитва Богородице», «Гнёздо»... Да и как иначе, ежели дед твой Корней был цимбалистом на деревне, который «Ударив по струнам игристым, / Шел к лавке, протезом стуча». Тут самое время поговорить о корнях, о деревне. В твоих многих стихах сказывается влияние, условно говоря, *деревенской поэзии* – Кольцова, Клюева, Есенина, Рубцова; здесь уместно упомянуть и помещика Фета. И в городских твоих стихах слышна эта тоска по утраченному миру деревни. И поэтому снова вопрос о предпочтениях: деревня или город?

М. В одной из бесед с Вадимом Соломоновичем Баевским, когда еще только завязывалась наша творческая дружба, он сказал мне, мол, не пойму одного, откуда у вас талант к поэзии.

Е. Ну, да, он видел перед собою полковника из службы исполнения наказаний...

М. ...И как-то на моем творческом вечере он же и вспомнил об Аполлоне Майкове, поэте не первого ряда, но прочно вошедшем в русскую поэзию. Вадим Соломонович сказал тогда, что Майков всю жизнь прослужил цензором, и он говорил, что поэту в жизни должно иметь прочное дело, а поэзии отдаваться без оглядки. И мне удивительным образом в жизни это удалось. И так живут сегодня многие наши поэты. А на предыдущий вопрос Вадима Соломоновича я ответил, что в роду по обеим линиям были колдуны; прапрадед – по линии отца, и прабабка – по линии матери. Мой прадед по материнской линии Алексей очень меня любил. Я не помню его, но по сохранившейся фотографии знаю в лицо – светловолосый бородатый русский богатырь. По рассказам бабушки Марии, он обладал недюжинной силой и запросто переносил на спине через речные мостки целые копешки сена. Его дом со стенами из красного кирпича, толщиной почти в метр, сохранился по наши дни в деревне Жуково, это сразу за березовой рощей за Истомино, что расположено у поворота в Издешково на трассе Москва–Минск. Правда, пол уже провалился, и крыша поехала. В доме давно никто не живет. Бабушка продала его и переехала жить к нам в Смоленск, когда родился мой брат. 21 июня 1941 года, когда трагически погиб муж бабушки Сергей, она стала вдовой и прошла войну – оккупацию и переселение немцами в Белоруссию – с двумя детьми: моей мамой и ее младшим братом Сергеем. Так вот, прадед был очень зажиточным крестьянином, но сумел избежать раскулачивания, женив своих двух сыновей и разделив хозяйство на три двора. Сам же пошел работать в колхоз конюхом; не смог бросить своих лошадей, так как очень их любил. А дед отца Корней жил в Смоленске и с двумя компаньонами держал передвижную мельницу. Они ездили по деревням Смоленского района и мололи крестьянам муку. Вырученную прибыльную муку продавали на колхозном рынке. Однажды случилась беда, нога Корнея Ивановича, а в роду имена Корней и Иван переходили наследно к старшему сыну, попала в жернова, и ее ампутировали в областной больнице. Так он стал одноногим инвалидом, ушел из артели, и остаток жизни прожил игрой на цимбалах, даже выступал в Смоленском кукольном театре. Искусство игры на цимбалах передавалось по наследству из поколения в поколение и оборвалось на моем отце. Он отказал деду в учебе игре на цимбалах. Так они и пропали потом где-то на чердаке бывшего городского дома Корнея Ивановича после его смерти. В 1941 году, когда начались бомбежки Смоленска немцами, дед Иван с семьей переехал жить в деревню Волково Краснинского района, где в соседней деревне Ракиты жил его родной брат. Я должен сказать, что с 1943 по 1945 год дед воевал. После освобождения Смоленщины попал в штрафбат, за жизнь с семьей на оккупированной территории. Их было 23 молодых деревенских парня, попавших в одну штрафную роту. После первого же боя в живых осталось только двое. Искупившего кровью вину перед Родиной, деда моего перевели в обычные войска. Он награжден орденом «Красной звезды» за доставку под артобстрелами в боевые подразделения полевой кухни; при взятии Кенигсберга он был поваром, получил контузию; так и жил с черными мелкими осколками-точками от разорвавшихся мин в щеках и на груди. А в боях с японцами дед уже был связистом, и за неоднократное устранение под вражеским огнем обрывов телефонной связи, что обеспечило выполнение подразделением боевой задачи, был награжден орденом Славы III степени.

В год 75-летия Победы я не могу не вспомнить об этом, Олег. После войны семья отца так и осталась жить в деревне Волково. Бабушка Аня всю жизнь была домохозяйкой, а дед работал пастухом колхозного стада коров. Тогда стада доходили до 600 голов. И мне запомнился его образ – верхом на коне с длинным кнутом. И я, родившийся в самом центре Смоленска, в детстве часто бывал в деревне и у деда Ивана, и у бабы Марии. И полюбил всем сердцем русскую деревню и природу. А с годами пришло осознание своих родовых корней. По сути я – городской потомок русских крепких крестьян, их внук. И, конечно же, эти факты не могли не отразиться и в моих стихах. *Мерещится мне домик у реки, / В котором должен был бы жить я с детства* – однажды написал я такие строки. И вот к старости я стал деревенским жителем, уехав на жительство в деревню под Смоленском. И тут все родное и близкое мне. Дом мой нынешний стоит как раз на том поле, по которому бежал мой дед в 1941 году, спасаясь от немецкого самолета, внезапно атаковавшего грузовик, на котором они с братом перевозили вещи из Смоленска в Волково. А у себя на участке при перепашке земли я нашел большую металлическую звезду, какие раньше закрепляли на фанерных памятниках на солдатских могилах. И еще вот важный факт для меня. Дом мой стоит неподалеку от поселения Михновка, где в 1812 году при взятии Смоленска французскими войсками была ставка Бонапарта Наполеона. И я думаю, все это не случайно в жизни произошло... Теперь у меня, потомка русских крестьян, на родной земле, не раз отвоеванной у врага, есть своя «жизненная ставка». И от того я испытываю огромную любовь и к родной земле, и к своему народу, сберегшему ее для нас, такую любовь, которая придает мне силы для жизни и веру в будущее.

Е. Твой дом на перекрестии силовых линий истории. Но еще раньше ты выстроил дом своих строф на таком же перекрестке. Дом, исполненный музыки и живописи, книг, с отсветами сполохов далеких и близких зарниц в окнах, дом, полный любви. И мне остается только поздравить такого домохозяина, рожденного в день весеннего равновесия.

Беседовал О. Ермаков

Владимир Макаренков

НИТЬ

Между Азией и Европой,
Между идолом и крестом,
Окруженный живой природой,
Возвышается древний дом.

Настежь дверь на Восток открыта,
И на Запад глядит окно.
А на крыше гвоздем прибито
Вместо флюгера веретено.

Кто из нити корону свяжет
И соткет золотой шатер,
Для того под ногами ляжет
Целый мир, как цветной ковер.

Сколько раз уже (аты-баты!)
Приходили злодеи в дом.
Да сидит мужичок щербатый
За столом с большим топором.

Нахлебается шей да каши,
Захрапит – аж дымит вихор!
Вдруг очнется и в крик: «Не наши!»
И отпустит гулять топор.

Приходили купцы с товаром.
Били оземь послы челом.
– Я отдал бы вам нить задаром!
Да рассыплется отчий дом.

Что с того, что давно клубится
На растущем веретене!
Эта нить из земли струится
И лучится в каждом бревне.
